

Юлиан Урсын Немцевич: «Одесса цветущий и значимый город»

Портрет Юлиана Урсын Немцевича.
Художник Антоний Бродовский. 1820 г.

В 1818 году во время путешествия Одессу посетил польский писатель Юлиан Урсын Немцевич (Julian Ursyn Niemcewicz). Результатом поездки стала книга под названием «Путешествие по Волини, Подолью, аж до Одессы» (пол. «Podróż po Wołyniu, Podoliu aż do Odessy»), изданная в Петербурге в 1859 году и вошедшая в общий сборник писателя «Исторические путешествия».

Пятый раздел этой книги содержит воспоминания о пребывании в Одессе. Проехав через Волинь и Подолье, автор прибыл в наш город 7 июля 1818 г. Описание Одессы он начинает

с вовлечения читателя в совместное разгадывание загадки, которую представлял собой молодой город. Этот прием позволил ему провести исторический обзор земель, на которых находится Одесса. Немцевич также уделил большое внимание хозяйственной, экономической, образовательной деятельности города. Пробыв некоторое время в нашем городе, писатель выехал в Николаев и отправился в обратный путь.

Хотя я уже довольно напутешествовался по белу свету, и хотя на шестьдесят первом году своей жизни упадок сил и старость все сильнее давали о себе знать, тем не менее желание выполнить поручение, данное мне Академией, а заодно посетить старинных приятелей на Волыни и Подолье и, наконец, добраться (если силы позволят) аж до Одессы, повелело мне закрыть глаза на возраст и трудности пути. Пребывая в такой обманчивой уверенности, я не видел в предстоящей поездке ничего, кроме удовольствия и пользы. Итак, я выехал из Вилянова 29 мая 1818 года. (...)

В краю довольно гористом, среди плодородных нив и зеленых домиков я приблизился к Тульчину. Уже окраины этого города говорят о его могущественном хозяине: отличные дороги, мосты и не знакомые в этих краях плантации. Проезжающих также удивляет огромный сад с итальянскими тополями и неизвестными здесь соснами. Белый приличный городок, дома с лоджиями, толпы евреев, сельских жителей, движение везде оживленное. В первую очередь восхищает огромный и прекрасный комплекс дворца Потоцкого. Состоит он из большого двухэтажного здания с величественными колоннами и красивой лоджией на втором этаже, а также из двух очень красивых боковых флигелей с расположившимися там оранжереей и конюшнями. По прекрасной лестнице входишь в огромную переднюю, украшенную портретами великих предков Щенского Потоцкого. Мебель, хрусталь, картины, бронза и мраморные изделия – все, что только из далеких краев света смогли доставить сюда за несметные богатства хозяина, – все здесь сверкает роскошью. Никогда не приходилось мне видеть более богатых дворцов. Все не просто говорит о местопребывании зажиточного хозяина, а более указывает на столицу могущественного удельного князя. На фронте дворца большими бронзовыми позолоченными буквами написаны такие слова:

«Чтобы всегда был жилищем свободных и добродетельных
Построен в 1782 году»

(...) За Тульчином по направлению к Балте раскинулся край плодородный, холмистый, но мало обжитой. В первом селе Кинашеве я увидел бесчисленное множество скирд зерна –

доказательство того, что хозяева больше сеют, чем могут вымолотить. Как нигде в других местах, местные господа хорошо помнят о непокорности украинского населения. Не осмеливаются угнетать его тяжелым трудом. В хозяйствах господ Собаньских и других господ только сорок два дня в году отработывают барщину.

Давнишняя жажда свободы не погасла в украинском народе; не без тревоги и не без опасений проводят свои дни местные господа. Достаточно искры, чтобы разбудить давние пожары. Сдерживает их, похоже, только близкое соседство находящихся неподалеку воинских частей. Боевой дух этого народа остался неизменным.

В полдень я приехал в Балту. Здесь некогда проходила граница Королевства Польского с крымскими татарами по реке, называемой одними Балткой, а другими – Кодымой, протекающей от Балты к Бугу и разделяющей два государства. Под навесами расположились магазины с прилавками; бородачи на улицах под открытым небом содержат чайные для простонародья. Балта выглядит довольно зажиточным и оживленным городом. Дальше Ultima Thule (край света. – С. М.), до Черного моря простираются когда-то дикие татарские земли, до сих пор на картах именуемые Диким Полем. (...)

Не следует, впрочем, думать, что все тридцать миль, все пространство от Балты до Одессы – это лишь безлюдная степь. Это правда, что большинство почтовых станций размещено в маленьких мазанках, но и здесь путешественнику оказывают дружелюбный прием филипоны. Сколько раз, гостеприимно приветствуемый и приглашаемый к их скромному столу, я заменял предлагаемый ими квас на свое вино! Все эти бескрайние поля, еще двадцать шесть лет назад бывшие бесхозными, уже почти полностью розданы Екатериной. Раздавала она эти земли, но не очень утруждала себя их заселением. Самые значительные наделы земли получили князь Кантакузен, генерал Стурдза и другие. Сегодня в этих степях три небольших городка: Дубоссары, Григориополь и Тирасполь.

Первый мой ночлег был в Дубоссарах. Вечером прошел сильный дождь. Раскисла черная жирная земля, и моя дорога сделалась скользкой и неудобной. Было уже десять часов, когда повозка остановилась у гостевого дома, который содержит немец.

После всех неудобств, намокший и уставший, я заранее радовался возможности хорошо отдохнуть. Однако хозяин сообщил, что его дом уже полон прибывших на завтрашний базар гостей, и что принять меня не может. Прибег я к обычному средству – вложенный в руку серебряный рубль так растрогал хозяина, что не только избу, но и кровать свою он мне сразу уступил. Впрочем, не очень пригодилась мне эта постель. Музыка, исполняемая на барабанах и дудке, в такое веселье ввела местную молодежь из немецких поселений, что вальсам не было конца. А когда хозяйка (в качестве благодарности за рубль) пыталась танцы прекратить, дочери ее тотчас начинали умолять: «*Noch nur einen Waltz!*» («Еще один вальс!»). Этот один вальс повторялся бесконечно. Ну как же можно отказать дамам?!

Рожденные уже здесь немцы сохранили самобытность своего народа, его одежду и облик. Глядя на кружащихся в вальсе молодых немцев, подумал: внуки их здесь вырастут, достигнут богатства и достатка, станут баронами и графами.

На следующий день город наполнился людьми и стадами волов на продажу. Все это в ужасном болоте после дождя. Немцы-колонисты, цыгане, польские евреи, волохи составляли местную публику.

В Дубоссарах около 350 домов. Еще двадцать лет назад здесь не было ничего, кроме татарских мазанок. Дома бедные, в основном покрыты камышом с озер, для обогрева используют торф – не такой, как в других местах. Кизяк, порезанный на квадратные куски, высушенный на солнце, используют для обогрева и кухни. Немцы из-за недостатка пива полюбили горилку. За пару волов здесь платят от 160 до 200 медных рублей, прекрасную дрофу можно достать за 3 польских злотых.

Кишинев – городок, расположившийся на противоположной стороне Днестра, является столицей Бессарабии, которая была присоединена к России в 1812 году. Прут, впадающий в Дунай, сейчас является границей двух государств. (...)

Я проезжал через Григориополь – симпатичный чистый городок, почти целиком населенный греками. Приятен сам въезд в него. После неизменного пейзажа голых степей приятно радуют взгляд рощи из вязов, буков, дубов и акаций. Сам городок чем-то

оригинален. Дома чистые, красивые, окруженные краснеющими вишнями, персиками, абрикосами. В тени деревьев греки курят табак, а прекрасные гречанки протягивают свои белоснежные руки под уже созревшие вишни. Под большими навесами среди корзин с апельсинами, фигами, бакалеей, табаком и прочим сидят армяне.

В шестидесяти верстах находится Тирасполь (по имени реки, называемой у древних Тиросом) – второй известный городок над Днестром. Недавно много домов в нем сгорело. (...)

Эти края уже более веселые. По обоим берегам Днестра расположены многочисленные поселения молдаван. На другой стороне Днестра в некотором расстоянии расположен городок Бендеры, известный кровавыми штурмами. Суворов, завоевав его с огромными людскими потерями, написал Екатерине только следующие слова: «Бендеры пали к ногам вашего величества. Потери составили 10 000 человек». Екатерина ответила ему: «Поздравляю тебя, любимый генерал! Радуюсь такой прекрасной победе. А в доказательство моего удовлетворения посылаю тебе подарок». Была это бриллиантовая кокарда. Бендеры до сих пор не восстановились из развалин. Мне хотелось осмотреть этот городок, но установленный здесь карантин не позволил.

Тут уже степи приобретают более оживленный вид. Встречаются многочисленные мазы, везущие пшеницу в Одессу. Удивили меня движущиеся «черные дома» (именно так я бы их назвал). Это очень высокие и широкие возы, груженные углем. По сторонам от них двигались двуконные и одноконные возы, везущие вишни. Все они направлялись в Одессу. И хотя взгляд не находил никакого человеческого жилья, однако в отдалении, между холмами, в большинстве своем скрытые от людских глаз, расположились колонии немцев. Видно это было по местами обработанным полям. 6 июля ячмень на них был уже спелый, созревала пшеница. В одном месте встречается огромное стадо волов, иногда до 2000 голов, в другом – стада валахских овец, еле шевелящих своими широкими хвостами.

Перед предпоследней почтой, называемой Барабойская, потрясла меня большая деревня с отлично построенными домами и прекрасным костелом в центре. Как только я остановился у хозяина постоянного двора, тотчас же немцы-колонисты, уви-

дев мою европейскую повозку, выслали нескольких своих односельчан, чтобы разузнать, что же происходит на белом свете. Радость их была безмерной, когда они услышали меня, говорящего на хорошем немецком языке, и когда я сообщил им (так как они об этом еще не знали), что на земле мир и что Наполеон отправлен в ссылку на край света.

Рассказывали они мне и о своем сегодняшнем положении. Не в состоянии выдерживать продолжающиеся на их родине притеснения, десять лет назад они оставили свою отчизну. Здесь на месте правительство выделило каждому аванс 350 рублей на строительство домов и приобретение скота, а также по 60 моргов земли. Они были навсегда освобождены от воинской повинности, а также на десять лет от платы за землю. Подобные благодеяния сделали бы их совершенно счастливыми, если бы не давящее чувство тоски по оставленной родной земле (трудно понимаемое благодетелями) не лишало их покоя и не сопровождало их ежедневно. Люди эти из-за бедности были вынуждены оставить родную землю. Но хотя благодаря постоянным трудам и упорству растет их благосостояние на дарованных им плодородных землях, сердечную память о родных землях они хотят сохранить и передать своим внукам. А посему названия своих земель дают новым поселениям. Итак, упоминаемая деревня называется Мангейм, другие названия Эльзас, Баден, Страсбург, Зельц, Кандель. Как щедро памятью о родине наполнил Бог сердце человека! И хотя богач может скоро забыть о ней, попав в парижскую роскошь, никогда не сможет позабыть о ней человек бедный. (...)

За двадцать лет это дикое поле уже начало заселяться и осваиваться. Плодородие земли, близость моря и уже цветущего над ним города всегда будут притягивать сюда жителей. Немецкие колонисты уже освоили и будут владеть этими прекрасными землями.

7 июля 1818 года. Дальник – последняя почтовая станция перед Одессой. Еще нет в окрестностях этого города загородных домов богатых купцов. Нет того, что и за деньги достать нельзя, – нет деревьев и тени. А без них – что это за сельское жилье? Но и эта голая сегодня местность со временем покроется зеленью. Пока виднеются только дома Хитрово и Разумовского.

С другой стороны, над самым берегом моря господин Рено (французский купец) и многие другие построили среди скал прекрасные дома с садами, где виноград, абрикосы, персики румянятся пурпурными красками.

7 июля я прибыл в Одессу. Город большой протяженности, пересеченный красивыми широкими улицами, богатый торговлей. Он насчитывает более 30 000 жителей и украшен зданиями, из которых ни одно не старше 26 лет. Город для каждого – интересная загадка. Для того чтобы ее разгадать и понять, какое стечение обстоятельств способствовало тому, что за несколько лет из убогого татарского поселения сделалась Одесса, которая превратилась в цветущий и значимый город, необходимо привести исторические факты.

Черное море, известное у древних греков как Понт Эвксинский, соединенное проливами с Азовским морем и с Пропонтидой (Мраморным морем. – С. М.), с давних времен являлось центром пересечения богатых торговых путей. Первые известные мореплаватели, финикийцы и египтяне, были его первопроходцами. После них пришли греки и римляне и затем передали торговлю грекам Средних веков. Генуэзцы подняли ее до наивысшего расцвета, превратив Крым в центр осуществления связей с Персией и Индией. Однако в 1476 году под натиском мусульманского нашествия они были вынуждены отдать свои поселения. Турки, став единоличными правителями берегов этих двух морей, другим народам вход в них закрыли.

После мира, заключенного в Кайнарджи, и связанной с ним конвенции 1779 года появилась свобода судоходства по Черному морю и вольный вход и выход через Дарданеллы. В это время Россия, не имея другого порта, чтобы использовать выгоду из произошедшего события, выбрала место на Днепре, чтобы развивать здесь свою торговлю и судоходство.

Самым прекрасным городом бывшей Херсонии в древние времена был город Херсонес. Сегодня можно различить только его руины. Екатерина повелела воскресить его на другом месте и в 1778 году приказала строить новый Херсон – город с таким же названием. Здесь возникло перед Екатериной большое препятствие: город начали строить в краю обжитом, с давних времен

принадлежащем запорожским казакам. Люд этот – беспокойный, удалой и страстно любящий свободу – с беспокойством посматривал на строящийся Херсон (так же, как и некогда на строившиеся поляками замки).

Не забыла Екатерина и непокорности казаков, когда в 1759 году во время наезда татар на Новую Сербию они не только потребовали нейтралитета, но и смогли этот нейтралитет сохранить. Такая дерзость и предвидение ее последствий не заставили не терпящую сопротивления Екатерину долго думать. Напрасно казаки отстаивали свои права на Запорожье как на извечную собственность своего народа. Самодержавная владычица Екатерина нуждалась в этих землях – они не могли принадлежать кому-нибудь другому. Был дан приказ: выселить из запорожских земель казаков и сослать их в отдаленные районы. Таким образом, Екатерина, ставшая госпожой Днепра и прилегающих краев, избавилась от возможного беспокойства, а свой новый город наделила значительными привилегиями. (...)

Повторный раздел Польши сделал Екатерину хозяйкой нашей богатой Украины, Подолья и Волыни. В связи с таким значительным расширением территории на берегах Черного моря Россия увидела возможность переноса своей торговли в место более удобное, чем Херсон, тем более что несмотря на то, что этот город быстро поднялся, он все-таки сталкивался с большими сложностями для ведения коммерции. Помимо препятствий в виде порогов, из-за которых для доставки товаров в Херсон надо было семьдесят верст везти их по суше, корабли, которым нужна глубина более шести футов, вынуждены были останавливаться в Глубокой Пристани, деревне в семи милях от Херсона, и перегружать товары там. Более того, зимой Днепр покрывается льдом – иногда с октября по март. Наконец, нездоровый климат, испарения окружающих водоемов – постоянный источник гнилой лихорадки.

Тогда взгляд упал на бухту Качубей и поселение, состоящее из нескольких татарских домиков. В 1795 году Екатерина даровала этому месту значительные свободы и привилегии и дала ему новое название – Одесса. Смерть Екатерины прервала дальнейшие планы. У императора Павла, занятого намерением обуздать распространенную Екатериной справедливость и ужесточить

наказания в армии – словом, затянуть потуже гайки, не было времени заниматься этим строящимся городом. (...)

Амьенский мир дал всем миг передышки. Франция заключила союз с Портой и получила свободу мореплавания на Черном море. Вскоре такую же свободу обрели также Англия, Голландия, Неаполь и почти все морские державы. Вся торговля зерном этих стран повернулась к Одессе, в которой уже был карантин, таможня и госпиталь. В 1802 году большинство стран Европы переживали неурожай, и это вынудило их искать зерно повсюду. Вот почему в Одессу прибыло много кораблей. Зерна для них не хватало. Я слышал от купцов той поры, что нужно было приложить все усилия, чтобы уговорить капитанов подождать, пока с Украины, Подолья и Волыни придут мазы с зерном. Наконец те прибыли, оживили торговлю и дали толчок развитию порта. В наши провинции полилось золото.

В следующем 1803 году в Черное море прибыло 900 судов, из которых 536 зашло в Одессу. Торговля с каждым годом становилась все оживленнее, пока ее не остановила война 1807 года. В 1812 году эпидемия болезни, проникшей в город по вине одного таможенника, позволившего зараженному человеку откупиться и выйти из карантина, унесла жизнь 3000 жителей нового города.

Мир, заключенный с Оттоманской Портой, изобилие экспортных товаров, а главное – усердие, энергичная деятельность и безупречные действия правителя города герцога Ришелье способствовали тому, что вскоре все последствия бедствий сгладились. В 1817 году было продано 1 700 000 четвертей зерна. Больше всего продали красной пшеницы, называемой арнауткой, – самой популярной благодаря своей стойкости в перевозке. За четверть такой пшеницы платили по 40 рублей ассигнациями. Город принес казне 56 000 000 рублей.

Возможно, оттого что в прошлом году купили слишком много зерна, а может, оттого что в других странах ожидается хороший урожай, маловероятно, что этот год будет удачным. Цена за четверть упала с 24 до 20 и даже до 18 рублей ассигнациями. Однако есть надежда, что цена повысится.

Больше всего зерна покупают Испания, Португалия, Италия, острова Архипелага и Англия для снабжения Мальты. Цена куп-

ли-продажи устанавливается в российских ассигнациях. Их сразу можно обменять на векселя или наличность. Корабли доставляют много испанских пиастров и львов, то есть турецких талеров. Их посылают в Москву, там перебивают на рубли, обменивают на ассигнации и проводят различные спекуляции.

После пшеницы самым важным товаром является железо, доставляемое по Днепру из московских внутренних провинций и привозимое в Одессу через Херсон. Собственники руды доставляют его в Одессу небольшими партиями, чтобы держать повышенные цены на железо. В Одессу привозят много испанской шерсти. Удивительно, как быстро размножились привезенные в страну испанские овцы. Я встретил в степях над Бугом немца, который ехал из Полтавы и вез на продажу 2000 пудов испанской шерсти. Другие товары доставляют в меньшем количестве.

В обмен Одесса принимает из других стран вина, специи, оливки и другие товары не первой необходимости, и их облагают большими сборами. Если речь идет о европейских и западных товарах, то морское и речное сообщение будут гарантировать Одессе преимущества перед варшавской ярмаркой.

Одесса расположена на $46^{\circ}35'$ северной широты, $29^{\circ}2'$ восточной долготы согласно парижскому меридиану. Климат в ней умеренный даже зимой. Залив, над которым на возвышенности расположен город, портом еще назвать нельзя, скорее это гавань. Но когда молы будут насыпаны (сейчас ведутся работы по их строительству) и заслонят бухту от восточных ветров, одесский порт станет безопасным и сможет принимать более шестисот кораблей.

Порт охраняется крепостью. Тут же при ней находится госпиталь. В городе много божьих святынь, общественных и частных домов, среди них три красивые русские православные церкви, одна греческая, небольшой католический костел, еврейская синагога; театр, дом губернатора, особняки госпожи Браницкой, Ржевуской и Витт (госпожой Витт автор называет Софию Потоцкую. – С. М.), дома многих состоятельных русских и заграничных купцов, наконец обширные базары, то есть купеческие рынки, общественный сад, основанный генералом Де Рибасом, Ришельевский лицей и прочее.

Улицы широкие, красиво пересекающиеся. Недостаток мощения приводит к тому, что во время засухи улицы покрыты пылью, а после самого небольшого дождя совершенно покрываются грязью.

Все строения из тесанного камня. Он такой мягкий, что топором его можно делить на блоки. Блок такого камня длиной в локоть и высотой в пол-локтя стоит 15 польских грошей. Наемные рабочие здесь дороги несоразмерно. Общественные колодцы едва удовлетворяют потребности в воде; а когда с Подолья прибывают тысячи маз, запряженные волами, уставший скот очень страдает от недостатка воды. Император повелел выделить средства на строительство водопровода и снабжение города питьевой водой. Определенная сумма предназначена и для мощения улиц. Военные корабли должны возить нужный камень из-за Днепра.

Население города состоит из разных народов. Самые важные купцы в основном иностранцы: французы, итальянцы, англичане, греки, армяне, караимы, евреи; лавочники по большей части москали, ремесленники – немцы, рабочий и наемный люд – русские.

В городе шесть больших базаров, или рынков. Это четырехугольные площади с расположившимися по кругу прилавками, украшенные огромными, но не изящными колоннами. Под ними сидят бородачи с разными отечественными товарами: мехом, железом, медью, оловом, свинцом, кожей, канатами и посудой для домашних надобностей. Удивили меня московские магазины отечественного фарфора, фаянса, ситца, платков, хрусталя, стекла, ламп и прочего. Фарфор не самый лучший, однако довольно красивый. Хрусталь и изделия из стекла, по моему мнению, качеством превосходят чешские. Все железные, бронзовые, оловянные, жестяные и медные изделия изготовлены на здешних фабриках. Московский люд к промышленности, фабрикам и ремеслам, как мне кажется, имеет большую склонность и способность, чем к сельскому хозяйству – возможно, потому что мерзлая неблагоприятная земля не стоит крестьянского пота.

У греков и караимов свой базар. Там самые лучшие табачки, шали и разнообразные восточные ароматы. Французские купцы и итальянцы из собственных прекрасных складов продают модные товары, привезенные с родины.

Я также посетил лицей, справедливо носящий имя Ришелье, так как именно он является основателем и благодетелем данного учреждения. Император пожаловал лицейю плату за аренду, составляющую 12 000 рублей (согласно правилам – на двенадцать лет). Ришелье весь этот доход предназначил для лицея. В нем на воспитании до 150 юношей, каждый платит по 120 рублей ассигнациями за проживание, стол, опеку гувернеров и учение. 24 неимущих воспитанника содержатся за счет герцога. Хорошо продумано расположение лицея. У каждого юноши своя комнатка, где есть только кровать и столик. Комнатки разделены коридором. Юноши в комнатах только ночуют. Весь день они проводят либо в классах, либо в предназначенных для учебы помещениях, либо на прогулке. Ночью в спальнях комнатах горят лампы, надзиратели сменяются и прохаживаются по ночам для предотвращения неприятностей.

Учебные предписания не вызвали у меня одобрения. В лицее четыре класса. Должен быть добавлен пятый, торговый. Следует приспособляться к обычаям в России и пожеланиям родителей. Обучают только религии, языкам, немного географии, арифметике, танцам и фехтованию. Точные науки здесь не очень в чести.

В этом году после окончания аренды герцога Ришелье император, так же, как и герцог, назначил аренду на содержание бедных студентов лицея. Возглавляет лицей аббат Николь, присланный из Парижа от того же герцога. В лицее обучается много поляков из отнятых у Польши провинций.

Среди голой степи, на месте, где еще двадцать два года назад располагалось несколько татарских мазанок, увидеть красивый театр и слушать прекрасную итальянскую оперу – это достойно удивления!

Одесский театр намного меньше, чем варшавский, но что касается здания – не менее красивый и построенный со вкусом. Нет здесь закрытых лож, как у нас. Все ложи здесь открыты, только снизу разделены деревянными перегородками, а спереди – рядами колонн. У примы, молодой певицы госпожи Арижи, – очень красивая внешность и приятный голос. В театре два прекрасных комедианта, оркестр не самый лучший. Ранее выступали польские комедианты, сейчас их сменили русские.

Во время моего посещения исполнялись драма г. Аристова и комедия в стихах Княжнина под названием «Нет и да». Драма, если говорить о содержании и морали, – еще более дикая, чем драмы немецкие. Комедия – лучше, и если бы она не была так растянута, было бы хорошо. Актеры посредственные, с нашими не сравнить. Самые лучшие, любимцы местной публики – поляк Козловский с женой, прибывшие сюда из польского театра в Каменце. Реакция и аплодисменты публики в оценке исполнения менее верны по сравнению с нашей.

(...) Оживленная торговля идет и с другими народами – наибольшая, однако, с польскими провинциями, сегодня оказавшимися под властью России. Обозрим вкратце, какие Одесса доставляет продукты им и какие получает от них. Самым важным продуктом, вывозимым из Одессы, является пшеница твердая и красная, называемая арнауткой, железо в слитках, железо, изготовленное на фабриках в Туле; затем стекло, оконные стекла, топленое масло из Сибири, икра, лой красный и белый, веревки, кожа, юфть, мех, грубая парусина, конопля, лен, смола, деготь, воск желтый и белый, мыло, ремень китайский и сибирский, табак подольский, называемый бакун, соленое мясо и т. д., и т. д.

Большинство этих продуктов доставляется возами из провинций, более или менее удаленных. Некоторые привозят даже за 1500 и 1800 верст. Зерно сплавляют по Днепру, а там, где преградой пороги, перевозят возами. Топленое масло из Сибири, икра астраханская, железо прибывают по Дону в Таганрог по устью этой реки.

(...) Между Одессой и Херсоном находится Очаков. Город, на завоевание которого было потрачено столько усилий, сегодня в запустении, почти в упадке. О Николаеве расскажем позже. Херсон, долгое время бывший целью стремлений Екатерины, после взлета Одессы стал портом больше военным, чем торговым. И здесь вынуждены останавливаться корабли – в месте, называемом Глубокое, в нескольких милях от порта. Сегодня зерно и лес, сплавляемые сюда по Днепру, на небольших кораблях перевозят в Одессу. Козлов и Каффа – два порта в Крыму, более всего посещаемые торговыми судами. Козлов (или Евпатория) доставляет Романии, Натоллии и Царьграду зерно, масло, лой, соль, и, прежде всего, шерсть. Удивительно, как завезенные испанские овцы раз-

множились в этих краях. В 1800 году в Одессе продано около 1000 пудов шерсти. Не очищенную продают по 60 рублей за пуд, чистую – по 100 и 110 рублей. Гавань (la gade) порта в Козлове ненадежна, особенно когда ветер дует с юга и запада. Более важны планы правительства относительно Каффы. Там построены склады и госпитали: все суда, направляющиеся в порты Крыма, должны проходить карантин в Каффе. Самые главные предметы торговли Каффы – зерно, шерсть, воск, лой, масло и заячьи шкурки.

(...) Таковы отечественные товары, доставляемые на экспорт в порт Одесса. В обмен Одесса принимает следующие продукты: из Испании разнообразные вина, из Франции (через Марсель) вина наилучшего качества, ликеры, оливки, уксус, горчицу, фарфор, благовония, модные вещи – словом, все предметы роскоши. Из Италии – вина Сицилии, сиропы, оливки, лимоны, апельсины, конфитюры, изделия из мрамора, картины и прочее.

Во время континентальной блокады торговля и перевозка из восточных стран превышали все остальные вместе взятые. Брали в этих странах различные вина (особенно из Архипелага), оливки, лимоны, бэкмиль (или изюмные дрожжи для напитка и уксуса), сушеные фрукты, шелка из Бурсы, хлопок из Смирны, кофе мокко, превосходный табак, мирро, алоэ, шафран, шали из Кашмира и Багдада, турецкие и персидские материи, жемчуга, пажму и прочее.

Анатолия поставляет через Синоп и Трабзон сушеные фрукты, фиги, изюм, гранатовый сок (называемый нардеком), из которого изготавливается превосходная водка, ореховое дерево, красное дерево (подобное махагони и подходящее для изготовления мебели). Из Мунтении и Валахии приходят легкие вина, зеленая соль в кусках, намного уступающая по качеству соли из Велички. Венгрия в очень небольшом количестве доставляет сюда свои вина по Дунаю. (...)

Значительна и внутренняя торговля на Черном море. Множество небольших судов из Таганрога, Херсона и Николаева привозят зерно и другие отечественные продукты в Одессу, а в обратный путь загружаются заграничными товарами. Товары переправляют далее, в самые отдаленные части страны, до Макарьева и даже дальше. Известна знаменитая ярмарка в Макарьево, где собираются все азиатские народы и где ежегодный ярмарочный

товарооборот составляет более 30 000 000 рублей. Как во всей стране, так и в Одессе запрещенные товары не пропускают; другие – предметы роскоши, особенные вина – облагаются высокой пошлиной; таковы же правила и сборы и для товаров, предназначенных для потребления внутри страны.

Транзит, разрешенный указом 1808 года, при наличии печати таможи не запрещает свободный, без какой-либо оплаты, проход товаров за границу. Вышеупомянутый указ дал Одессе новое движение и новые богатства.

Транзит товаров, почти весь проходящий через Броды, делает этот город одним из самых богатых сухопутных городов.

Экспортный транзит (позволю себе так выразиться) из Одессы в Царьград и другие восточные страны также отправляется через Броды; в этом городе платят рубль за пуд веса – без разницы, какой товар. Отправляют в ту сторону предметы роскоши, высоко ценимые у азиатских народов: изголовья кроватей, золотую и серебряную парчу, украшения из золота (бижутерия), позументы, муслин и прочее. (...)

13 июля, в воскресенье, я обошел церкви разных вероисповеданий. Католический костел, построенный в первые годы существования города, – довольно небольшой в рассуждении числа жителей этого вероисповедания. Основались здесь иезуиты.

В греческой церкви такая же литургия, как и на Руси. Вся служба идет на чистом греческом языке. Не многие греки еще носят национальные костюмы. С разочарованием я наблюдал за напудренными, одетыми в облегающие фраки внуками Фемистоклов, Мильтиадов и Сократов.

В городе есть несколько русских церквей – богатых по строению и внутреннему убранству; в них много икон и позолоты. Музыка исполняется без инструментов, только голосом – превосходная, наполненная такой благодарностью к Всевышнему, что очарование ее достигает самых глубин души и рождает трогательные религиозные чувства, возносящиеся к Создателю мира.

Евреи также имеют в Одессе синагогу. Это польские евреи в такой же, как и у нас, одежде. Обладают они в Одессе такими же, равными с другими купцами правами и умеют задавать тон, непривычный для нас. Ведут себя иначе, чем у нас: во всех общест-

венных местах – на бирже, в кофейнях, в театре – размещаются среди первых людей города. И здесь, так же, как у нас, операции с векселями и посреднические сделки – в их руках. На базарах полно столиков, засыпанных ассигнациями, пиастрами, рублями, турецкими левами и прочим. Есть два важных представителя – бродский и варшавский: они совершают все торговые и вексельные сделки и расчеты с этими городами.

Наблюдение за торговым портом очень интересно, оно заслуживает внимания и размышлений. Я увидел здесь не такое мощное движение и толчею, как в Нью-Йорке или в Филадельфии. Причина – неусыпная работа карантина. Пока весь экипаж закрыт на карантин, разрешено грузить зерно на пустое судно: таким образом, выходящий из карантина капитан застаёт погрузку уже законченной и сразу может отправляться в плавание.

Больше всего моряков – греки и итальянцы с Ионических островов или из Рагузы. Эти последние тоскуют по турецкому господству. Ионийские греки довольны английским покровительством. У многих одесских купцов есть собственные суда, плавающие под российским флагом. Капитаны и моряки всегда иностранцы – греки, итальянцы, французы. Русских моряков из-за порока пьянства и нелюбви к плаванию к морским походам на купеческих судах не привлекают. Однако на императорском флоте служат только русские. Термины судоходства, взятые Петром Великим из голландского языка, употребляются до сих пор. Оплата и питание русских моряков намного лучше, чем в сухопутной войске.

В воскресенье после хорошего греческого купания я выехал из Одессы, счастливый, что увидел этот богатый процветающий город, расположившийся среди пустынных мест, как вторая Пальмира. Невзирая на праздничный воскресный день, все в нем было оживлено, неустанно двигалось.

(...) Ведущая в Николаев дорога была заставлена мазами с зерном. Волы, напряженные в эти мазы, казались мне огромными.

Этот край этот заселен недостаточно, чтобы доставлять свои товары в Одессу. Некоторые люди из Малороссии берут на себя этот труд. Их называют чумаками. Едут они дни и ночи, не зная иной крыши над головой, кроме открытого неба, и получают от 5 до 9 золотых. Окрестности Одессы открывают приятные виды

для проезжающего. С правой стороны простирается зеркальная гладь моря. С левой часто встречаемые озера – наверняка где-то они соединяются с морем.

Первая почтовая станция, Аджалык (современное название с. Дофиновка. – С. М.), носит еще татарское название. Стоит здесь убогий домик, расположившийся в прекраснейшем месте над самым морем. Из его окон видны небольшие корабли, идущие в Одессу из Херсона и Николаева с зерном, лесом и другими грузами, приходящими по Днепру, Бугу, Ингулу и Дону.

Дальше начинаются земли не обрабатываемые. Здесь всего одно селение, принадлежащее госпоже Потоцкой, – Колиботское, названное по фамилии генерала Колибота (скорее всего, речь идет о Коблевском, названном в честь генерала Кобле. – С. М.), – это тоже новое поселение. Крестьяне, перевезенные в него из глубинки России, в этой слободе, как и на вечных нивах, обрабатывают барщину. Здесь есть озеро, которое соединяется с морем только маленьким ручейком. И этот ручеек сужается, что является еще одним доказательством того, что в этом месте из Черного моря уходит вода.

Смертельно уставший, я остановился в Колиботском. Свет луны зыбкими бликами отражался в море, стада испанских овец возвращались в хлева. Светился огонек в окнах хозяина француза – на том же месте, где четыреста лет назад возвышались богатые дома греков, а затем генуэзцев, и еще тридцать лет назад стояли две татарские хатки. И так изменился мир. Мой скромный ужин был приготовлен на сухих морских камышах, поскольку иной пригодной растительности здесь нет.

Перевод с польского Стеллы Михайловой

